

Научная статья

УДК 343.21

EDN ZTIRWB

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).218-226



ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ» УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

А.В. Бороев

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

7 мая 2024 г.

Дата принятия в печать

28 мая 2024 г.

Дата онлайн-размещения

31 мая 2024 г.

Ключевые слова

Уголовный закон; уголовное
законодательство;
криминологическая обоснованность;
криминологическая обусловленность;
криминологические основания;
социальная обоснованность;
социальная обусловленность

Аннотация. Статья посвящена криминологической обоснованности уголовного законодательства. Анализируется значимость криминологической обоснованности в контексте уголовного законодательства Российской Федерации. Уголовный кодекс России 1996 г. был частью крупной правовой реформы, сопровождавшей переход от советской к современной системе права, и с тех пор претерпевает множество изменений. Сегодня категория «криминологическая обоснованность» уголовного законодательства по-прежнему недостаточно разработана и находится в сфере внимания исследователей-специалистов в области уголовного права и криминологии. Подчеркивается отсутствие в доктрине единодушия в определении терминов «обоснованность» и «обусловленность». Отмечается тот факт, что криминологические и уголовно-правовые исследования часто оторваны друг от друга и результаты криминологических исследований зачастую не влияют на формирование и совершенствование уголовного закона. В большинстве научных работ между понятиями «социальная обоснованность» и «криминологическая обоснованность» не всегда четко отражены отличительные признаки, зачастую они используются как синонимы. Данное обстоятельство служит основанием дальнейших исследований и выделения точных критериев этих понятий в контексте криминологии. Рассматриваются подходы к содержанию понятия «криминологическая обоснованность». Поскольку общественная опасность нередко выступает критерием формирования этого понятия, высказывается авторское отношение к данному подходу. Приводится авторское определение понятия «криминологическая обоснованность».

Original article

THEORETICAL APPROACHES TO DEFINING THE CONCEPT OF “CRIMINOLOGICAL VALIDITY” OF CRIMINAL LAW

Alexander V. Boroev

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2024 May 7

Accepted

2024 May 28

Available online

2024 May 31

Keywords

Criminal law; criminal legislation;
criminological validity; criminological
causation; criminological foundations;
social validity; social causation

Abstract. The article examines the criminological validity of criminal legislation. The value of criminological validity is analyzed within the context of criminal legislation of the Russian Federation. The Russian Criminal Code of 1996 was part of a large-scale legal reform which accompanied the transition from the Soviet to the modern system of law, and which has since undergone many changes. As of today, the category of “criminological validity” of criminal legislation is still insufficiently developed and is attracting the attention of researchers of criminal law and criminology. It is stressed that the doctrine lacks unanimity regarding the definition of the terms “validity” and “causation”. Criminological and criminal law studies are often separated from each other, and the results of criminological studies quite frequently have no influence on the development and improvement of criminal law. Most research works do not make a clear distinction between “social causation” and “criminological causation”, which are often used as synonyms. This situation provides a basis for conducting further research and working out definite criteria for these concepts within the framework of criminology. Different approaches to the contents of the concept “criminological validity” are examined. Since public danger is often used as a

criterion for forming this concept, the author presents his own opinion regarding such an approach. The author's definition of the concept "criminological validity" is presented.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации являлся частью широко-масштабной правовой реформы, проводимой в стране из-за перехода от советской к современной российской системе права и включавшей в себя изменения в различных сферах законодательства на фоне кризиса в обществе, вызвавшего беспрецедентный уровень преступности. На тот момент не было возможности говорить о криминологической обоснованности уголовного законодательства в связи с отсутствием достаточного количества научных разработок. В настоящее время количество изменений и дополнений, внесенных в указанный закон, продолжает расти, и на данный момент действует уже 235-я редакция закона¹.

Криминологической обоснованности уголовного законодательства посвящено немалое количество научных статей и диссертационных исследований [1; 2]. При этом ключевому понятию «криминологическая обоснованность» не уделяется должного внимания, не раскрывается, что следует понимать под данным понятием, и это создает неоднозначность в ответе на вопрос о его сути. Дискуссия главным образом ведется вокруг термина «обоснованность». Также следует отметить, что в юридической литературе термины «обоснованность» и «обусловленность» часто рассматриваются как синонимы.

В первую очередь для определения термина «обоснованность» обратимся к «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, где термин «обоснованный» трактуется как «подтвержденный фактами, серьезными доводами, убедительный» [3, с. 435].

Вызывает также интерес семантическое исследование, проведенное С.С. Босхоловым и Б.Б. Бадмаевой, в ходе которого был выделен набор понятий, наиболее подходящий именно для криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики: аргументированность, продуманность, рациональность, логичность, понятность, оправданность, последовательность и правомерность [4, с. 32].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 23 марта 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Обратившись к некоторым словарным источникам, Л.И. Шабалин определил обоснованность как наличие определенных оснований [5]. Представляется, что для раскрытия понятия «криминологическая обоснованность» данное определение имеет наиболее частое использование в научной литературе. Однако даже при таком взгляде остается нерешенным вопрос о том, какие конкретно основания определяют обоснованность чего-либо, что и представляет особый научный интерес.

Следует отметить, что в настоящее время не существует единой точки зрения на тот факт, должны ли все уголовно-правовые нормы иметь криминологическое обоснование, поскольку сама криминология как наука возникла относительно недавно. В советский период уголовное законодательство испытывало дефицит информации криминологического характера по определенным причинам. И, как отмечает С.Ф. Милюков, в определенной мере разрыв между уголовным правом и криминологией был преодолен в ходе реформы российского уголовного законодательства в первой половине 90-х гг. [6, с. 9].

В настоящее время научным сообществом не выработано однозначного понимания криминологической обоснованности уголовного законодательства. Среди исследователей нет единства в том, как следует использовать результаты проведенных криминологических исследований в уголовном правовом законодательстве. Нет также ясности в том, как статистические данные, собираемые соответствующими государственными органами в рамках выполнения возложенных на них функций, должны влиять на изменения в уголовном законе.

Представляется, что прежде, чем приступить к раскрытию термина «криминологическая обоснованность», начать следует все же с такого термина, как «социальная обоснованность». В последние годы рассмотрение проблем социальной обоснованности того или иного состава преступления или наказания за его совершение является одной из достаточно распространенных тем для научных исследований [7; 8]. Однако при изучении данных работ выясняется, что не существует единого подхода к определению

понятия «социальная обоснованность». В связи с чем вызывают особый интерес научные исследования, разграничивающие понятия «криминологическая обоснованность» и «социальная обоснованность».

Л.М. Прокументов обращает внимание на то, что социальная обоснованность уголовно-правового запрета (криминализации) складывается из социально-экономической, социально-психологической и криминологической обоснованности [9, с. 10]. На это же указывает и М.В. Валеев [10, с. 6]. Из чего можно сделать вывод о том, что, с их точки зрения, «криминологическая обоснованность» представляет собой составную часть «социальной обоснованности» и является более узким понятием по своему содержанию по отношению к ней.

Вызывает определенный интерес точка зрения белорусского ученого А.Л. Савенка, согласно которой социальная обусловленность уголовного закона представляет собой соответствие этого закона объективным потребностям и тенденциям общественного развития, а также уровню правосознания и правовой культуры общества. В то время как криминологическая обусловленность уголовного закона — это его соответствие количественным и качественным показателям преступности [11, с. 6].

Особый интерес к мнению А.Л. Савенка возникает в связи с тем, что понятия «социальная обоснованность» и «криминологическая обоснованность» не соотносятся как общее и частное, а являются отдельными группами факторов со своей спецификой, влияющих на формирование уголовного закона.

Раскрывая понятие «криминологическая обоснованность», мы также приходим к выводу о том, что рассматриваемый термин широко используется в научной литературе юридической тематики, и сталкиваемся с такой же проблемой, поскольку единого подхода к его пониманию также не существует.

Различными учеными отмечается, что теория криминологического обоснования норм уголовного права была предложена В.Д. Филимоновым в его монографии «Криминологические основы уголовного права» (1981) [12], давшей своеобразный толчок к развитию научных исследований в данном направлении.

Огромнейшим вкладом в изучении проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства и развитии идей о понятии «криминологической

обоснованности» является исследование, проведенное С.Ф. Милюковым [6]. В его диссертации разрабатывалось новое направление в отечественной криминологии — криминология уголовного права (закона).

Однако, несмотря на всю значимость проведенного исследования, которая выразилась в большом количестве обоснованных предложений, представленных в виде конкретных уголовно-правовых норм, следует отметить, что говорить о завершенности концепции криминологической обоснованности уголовного закона на данный момент преждевременно.

Полагаем целесообразным обратиться к научным исследованиям, в которых понятие «криминологическая обоснованность» ставится в зависимость от предмета криминологии. Согласно традиционному подходу, предмет криминологии состоит из следующих частей: преступность; личность преступника; детерминанты преступности; предупреждение преступности [13, с. 3–5].

Следует отметить, что на преступность как на социальную проблему обратили внимание только в 20-е гг. XX в., и произошло это в Соединенных Штатах Америки. В то время Чикаго столкнулся с ростом организованной преступности вследствие введения сухого закона. Это привело к тому, что представители Чикагской школы сосредоточили свое внимание на вопросах окружения и его влияния на человека [14–18].

По мнению В.Д. Филимонова, выявление понятия «криминологические основания норм уголовного права» невозможно без учета предмета криминологической науки, в связи с чем эти основания должны включать в себя содержание обстоятельства, характеризующие причины преступности, такие как общественная опасность деяний, состояние, структура и динамика преступности, личность преступника, а также меры по предупреждению преступлений [19, с. 89]. В.А. Александрова, помимо вышеуказанных оснований, также включает направленность на сокращение преступности [20, с. 361]. Это совпадает с мнением Н.Ф. Кузнецовой о том, что криминологически обоснованный закон — это закон, «нацеленный на сокращение преступности, исходя из ее уровня, динамики, структуры и прогноза» [21, с. 74].

Подход Л.М. Прокументова и А.В. Шеслера также тесно связан с пониманием предмета криминологии в широком смысле. Ими был

выделен пятый элемент — криминологическая обусловленность существования или изменения уголовно-правового запрета, под чем понимались характеристики определенного вида преступлений, лиц, их совершивших, состояние противодействия этому виду преступности [22, с. 371].

Особый научный интерес вызывает подход М.Т. Валева к понятию «криминологическая обоснованность» с использованием понятия «предмет криминологии» в широком смысле, в ходе которого законотворчество делится на первичное и вторичное. При этом при первичном законотворчестве криминологически обоснованной будет санкция, учитывающая опасность деяния, «претендующего» на попадание в число преступных, личность предполагаемого преступника, который будет совершать криминализируемое деяние, детерминанты этого криминализируемого преступления, а также способствующая предупреждению преступления.

В то время, как при вторичном законотворчестве, предполагающем изменение уже существующей санкции уголовно-правовой нормы, под криминологическими обоснованиями автор понимает частоту применения того или иного реального наказания, а также уровень рецидива после назначения наказания из ранее закрепленной санкции [10, с. 7–10].

На наш взгляд, представляется нецелесообразным разграничение понятия «криминологическая обоснованность» для первичного и вторичного законотворчества, поскольку критерии должны быть единообразными и их разграничение приведет лишь к определению рода путанице понимания термина «криминологическая обоснованность».

Спорным является и подход А.Л. Савенка, согласно которому криминологическая обусловленность уголовного закона — это его соответствие количественным и качественным показателям преступности [11, с. 6]. Существующие методики не позволяют установить зависимость процессов как криминализации, так и декриминализации определенных деяний от количественных/качественных показателей преступности.

В то же время значимость показателей преступности заключается в понимании общей картины преступности, что в свою очередь позволяет разрабатывать более эффективные меры по противодействию преступности. Однако суще-

ствует разрыв между официальной статистикой и криминологическими реалиями в России. Ученые-криминологи считают, что официальные статистические данные недооценивают реальное количество преступлений из-за системных проблем в регистрации и фиксации преступлений. Это приводит к искажению реальной картины преступности и недооценке ее истинного уровня. Ярким примером искусственного влияния на оценку работы правоохранительных органов через манипуляцию статистическими показателями является, например, значительный рост числа сообщений о преступлениях, по которым принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, к числу зарегистрированных преступлений [23, с. 90].

При этом необходимо учитывать не только искусственную латентность, вызванную действиями правоохранителей, но и естественную, например, обусловленную нежеланием потерпевших обращаться за защитой своих прав в правоохранительные органы из-за убеждения в том, что преступники останутся безнаказанными. Все это создает значительные трудности при использовании представленного подхода.

Вызывает интерес научная работа Д.В. Шибанова, где под криминологической обоснованностью следует понимать «формулирование тех или иных составов преступлений, наказания за их совершение, адекватную реализацию этих норм на практике в соответствии с криминологической реальностью и главной целью уголовно-правовой репрессии — предупреждением преступлений и обеспечением надежной защиты от них личности, общества и государства» [24, с. 4].

Однако все же стоит обратить внимание на тот факт, что зачастую, говоря об обоснованности существования той или иной уголовной правовой нормы в УК РФ, авторы указывают именно на ее общественную опасность [25, с. 44; 26, с. 12–14]. Следует отметить, что законодатель закрепил в ч. 1 ст. 14 УК РФ термин «общественная опасность», указав его как признак, присущий именно преступлению.

Отсюда, если деяние не является общественно опасным, то оно не может быть криминализовано, т.е. его закрепление в УК РФ криминологически не обосновано, а действующая уголовно-правовая норма, утратившая свою общественную опасность, также криминологически не обоснована и подлежит декриминализации. Теорией уголовного права и практикой

применения уголовного закона давно доказано, что именно характер и степень общественной опасности служит в качестве обоснованности дифференциации уголовной ответственности общей нормы и специальными нормами, либо выделения специальных норм из общего состава преступления.

Что касается других отраслей права, то в них используется термин «правонарушение», несмотря на тот факт, что и административные, и гражданские правонарушения также причиняют определенный вред интересам государства, общества и отдельным гражданам.

В научной литературе отмечают огромное значение санкций в уголовном праве, ведь именно они дают окончательную оценку характеру и степени общественной опасности деяния [10, с. 7; 20, с. 362; 27, с. 231]. Но в связи с этим возникает вопрос, поскольку недостаточно признать какое-либо деяние общественно-опасным, также еще необходимо подобрать соответствующий вид и размер наказания. Сложность возникает именно в соотношении общественной опасности и будущего наказания за него, поскольку в настоящее время не существует конкретного способа соотношения будущего наказания и сочетания характера и степени общественной опасности преступления.

Ряд специалистов поддерживают идею о взаимосвязи общественной опасности деяния и альтернативности санкции. Чем она (общественная опасность) выше, тем должна быть менее альтернативна санкция и, наоборот, чем ниже общественная опасность деяния, тем более она может быть вариативна [28, с. 73]. И даже в этом случае нельзя быть уверенным, поскольку, как уже ранее отмечалось, конкретных алгоритмов у законодателя нет. Поэтому более справедливым следует считать мнение В.Н. Кудрявцева, сделавшего вывод о том, что «прямая связь между видами наказания и характером преступления отсутствует» [29, с. 27].

Итак, стоит отметить тот факт, что, несмотря на важность, проблема криминологической обоснованности уголовного законодательства остается одной из наименее исследованных. На современном этапе развития науки в юридической литературе не дано четкого определения понятия «криминологическая обоснованность» уголовного законодательства. Среди ученых отсутствует единство как в вопросе разграничения критериев криминологической обоснованности, так и в решении вопроса использования ре-

зультатов криминологических исследований в уголовно-правовом законотворчестве.

В связи с этим, несмотря на существующие авторские подходы в научной среде, данный термин продолжает требовать дальнейшего изучения и разработки, в связи с чем представляется важным дать собственное понимание понятия «криминологическая обоснованность».

Статья 15 Конституции Российской Федерации закрепляет ее высшую юридическую силу, прямое действие Конституции и ее применение на всей территории страны. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы². Отечественный законодатель при создании УК РФ отразил данную норму не полностью и закрепил, что «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права» (ст. 1 УК РФ).

Однако отсутствие в норме упоминания международных договоров РФ решается ст. 15 Конституции РФ, закрепившей ее высшую юридическую силу. Что также подтверждает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8³.

Возникает вопрос, каким образом «общепризнанные принципы международного права» и «общепризнанные нормы международного права» влияют на уголовное законодательство? на уголовное законодательство? В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. № 144.

³ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8 : (ред. от 3 марта 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Не стоит также забывать об основном целевом назначении любой уголовно-правовой нормы, а именно — осуществление задач уголовного закона. Для выполнения этих задач законодатель устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Именно поэтому уголовно-правовой запрет будет принят или существовать, пока есть потребность в охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечении мира и безопасности человечества, а также предупреждении преступлений.

Особое значение имеют принципы уголовного закона, т.е. основные, исходные начала, в соответствии с которыми строится система уголовно-правового регулирования, поскольку при их нарушении цель, поставленная перед уголовным законом, не может быть достигнута. Их нормативное закрепление обеспечивает единство норм, а также правильность их применения как при законотворчестве, так и при правоприменении. Каждый принцип уголовного закона имеет самостоятельное значение, но в то же время они тесно связаны между собой и взаимно дополняют друг друга, образуя некие своеобразные правовые стандарты для уголовного закона. В.Д. Филимонов также отмечает, что сбалансированность интересов участников общественных отношений воплощает в своем содержании все уголовно-правовые принципы [19, с. 93].

Содержание законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, должно отражать криминологические реалии страны. Только в этом случае оно может быть эффективным. Поскольку, как отмечает В.В. Лунеев, «преступники побеждают, потому что они скрупулезно и с глубоким знанием дела

изучают реалии предполагаемой преступной деятельности, т.е. практические возможности обхода закона, пути сокрытия преступной деятельности, возможности ее прикрытия и т.д.» [30, с. 9–10]. Научно не исследуется, не прогнозируется и возможная эффективность принимаемых нормативно-правовых актов, либо почти не изучается или изучается поверхностно и односторонне. Как отмечается многими учеными, в настоящий момент отсутствует какая-либо четкая системность принятия уголовно-правовых норм, оставляя их толкование и разъяснение конкуренции различных норм Верховному Суду РФ в постановлениях и разъяснениях.

Рассматривая специфику правосознания, Л.В. Карнаушенко отметил, что оно представляет собой, с одной стороны, совокупность знаний о сфере права, с другой — отношение членов общества к существующим правовым нормам, что предполагает реализацию ценностного и оценочного аспектов правового мировоззрения [31, с. 27]. Действительно, отношение к правовой сфере существенно влияет на готовность людей соблюдать существующие нормы и на их отношение к правовой системе в целом, а также к властным структурам, которые участвовали в формировании и принятии этих норм.

Относительно малый интерес к изучению и пониманию законов со стороны общества может быть обусловлен несколькими факторами:

1. Сложность языка закона. Нормативные акты обычно написаны на формальном юридическом языке, который не всем доступен или понятен без специального образования.

2. Отсутствие мотивации. Следует также учесть, что многие люди могут не видеть прямой связи между знанием законов и повседневной жизнью. Граждане могут считать, что знание законов не является необходимым для них лично, поскольку они не планируют совершать преступления или не видят, как это может помочь им в повседневной жизни.

3. Доверие к системе правосудия. Некоторые люди могут доверять системе правосудия и считать, что они не должны беспокоиться о знании законов, так как уверены, что сама система правосудия обеспечит им справедливость, даже если они не знакомы с конкретными нормативно-правовыми актами.

4. Отсутствие доступной информации. Некоторые граждане могут испытывать трудности в доступе к информации о законах. Они могут не знать, где искать информацию о законах или не

иметь доступа к ресурсам, которые предоставляют такую информацию.

Н.А. Шеяфетдинова, обращая внимание на факт малой познавательной активности в отношении новых тенденций законодательства, обуславливает необходимость многоступенчатого оповещения населения в отношении производимых изменений, криминализирующих то или иное деяние [32, с. 59].

При этом роль правосознания имеет ключевое значение в процессах криминализации и декриминализации деяний. Так, уровень правового сознания у лиц, непосредственно осуществляющих законотворческую деятельность, влияет на формирование закона. Именно поэтому профессионализм членов законотворческих органов способствует избеганию существования необоснованных норм в правовой системе.

Особого внимания при изучении криминологической обоснованности заслуживает учет социальных последствий применения уголовного закона. Это позволит выявить все из-

менения в социуме, вызванные применением уголовно-правовой нормы. Такой анализ также поможет выявить негативное влияние последствий преступности на общественные отношения, являющиеся в свою очередь основой для функционирования и развития общества и государства. Именно это обуславливает научную потребность в их теоретическом анализе, тем более что всестороннее и глубокое исследование преступности невозможно без познания ее реальных и возможных социальных последствий.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что криминологическая обоснованность уголовного закона — это его соответствие Конституции Российской Федерации, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам РФ, целевому назначению и принципам уголовного закона, криминологическим реалиям, общественному правосознанию, а также учет социальных последствий применения данного закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судакова Т.М. Социальная обусловленность и некоторые правовые проблемы противодействия преступному обороту новых видов наркотиков / Т.М. Судакова. — DOI 10.17150/2500-2759.2016.26(4).643-651. — EDN WZXTNR // Известия Байкальского государственного университета. — 2016. — Т. 26, № 4. — С. 643–651.
2. Агильдин В.В. Некоторые моменты уголовно-правовой политики борьбы с дорожно-транспортными преступлениями (на примере статьи 264.1 УК РФ) / В.В. Агильдин. — DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(1).117-125. — EDN VPBGCI // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 117–125.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : А ТЕМП, 2008. — 944 с.
4. Босхолов С.С. О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики / С.С. Босхолов, Б.Б. Бадмаева. — EDN PCCZOL // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2012. — № 3 (21). — С. 28–35.
5. Шабалин Л.И. Об обоснованности и обусловленности уголовно-правовых и уголовно-законодательных конструкций / Л.И. Шабалин. — DOI 10.7256/2454-0706.2019.11.31518. — EDN NOASLD // Право и политика. — 2019. — № 11. — С. 46–66.
6. Милюков С.Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.Ф. Милюков. — Санкт-Петербург, 2000. — 422 с.
7. Семенов В.Р. Социальная обусловленность уголовно-правового запрета за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта / В.Р. Семенов. — EDN PVFBOD // Закон и право. — 2013. — № 3. — С. 84–85.
8. Смолин С.В. Социальная обусловленность криминализации преступного использования лжи, обмана и злоупотребления доверием / С.В. Смолин. — DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(1).126-137. — EDN VPBGDD // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 126–137.
9. Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний / Л.М. Прозументов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. — 142 с.
10. Валеев М.Т. Криминологическое обоснование санкций уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ / М.Т. Валеев. — DOI 10.17223/23088451/13/1. — EDN ILWIDK // Уголовная юстиция. — 2019. — № 13. — С. 5–12.
11. Савенок А.Л. Теоретические и прикладные проблемы эффективности уголовного закона : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.Л. Савенок. — Минск, 2017. — 48 с.
12. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. — 210 с.
13. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 232 с.
14. Shaw C.R. Delinquency Areas / C.R. Shaw. — Chicago, 1929. — 254 p.
15. Morris T. The Criminal Area / T. Morris. — London : Routledge, 1958. — 202 p.
16. White R.C. A Study of Residence and Place of Offence of Felons in Indianapolis / R.C. White // Social Forces. — 1932. — 10 May. — P. 498–509.
17. Schmid C.F. Urban Crime Areas. Part II / C.F. Schmid // American Sociological Review. — 1960. — Vol. 25, iss. 5. — P. 655–678.

18. Lottier S. Distribution of Criminal Offences in Metropolitan Regions / S. Lottier // *Journal of Criminal Law and Criminology*. — 1938. — № 29. — P. 39–43.
19. Филимонов В.Д. Криминологические основания норм уголовного права / В.Д. Филимонов. — EDN WFLSGH // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2016. — № 2. — С. 87–95.
20. Александрова В.В. Оптимальная санкция уголовно-правовой нормы: постановка проблемы / В.В. Александрова. — DOI 10.46741/2686-9764.2022.60.4.002. — EDN TAUNEO // *Пенитенциарная наука*. — 2022. — Т. 16, № 4 (60). — С. 359–371.
21. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — Москва : Зерцало-М, 2002. — Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении. — 611 с.
22. Прокументов Л.М. Предмет отечественной криминологии. / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. — DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).369-384. — EDN OHIFOU // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 369–384.
23. Овсянников И.В. Прекращение уголовных дел по реабилитирующим обстоятельствам: вопросы теории и практики / И.В. Овсянников. — EDN NVYIVR // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2011. — № 3. — С. 88–96.
24. Шебанов Д.В. Криминологическая обоснованность уголовного законодательства и практики его применения в сфере охраны собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.В. Шебанов. — Красноярск, 2017. — 176 с.
25. Алафьев М.М. Общественная опасность мелкого взяточничества как основание и основной принцип установления уголовно-правового запрета на его совершение / М.М. Алафьев. — DOI 10.25724/VAMVD.XEFG. — EDN BOTOPJ // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2021. — № 4 (59). — С. 44–51.
26. Шагланова А.Н. Уголовная ответственность за развратные действия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Н. Шагланова. — Екатеринбург, 2016. — 33 с.
27. Андреева О.И. Санкции в уголовном праве / О.И. Андреева. — EDN SXDLXB // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2014. — № 3. — С. 231–234.
28. Пудовочкин Ю.Е. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм / Ю.Е. Пудовочкин, В.К. Андрианов. — EDN YWKENN // *Российский юридический журнал*. — 2018. — № 5. — С. 71–84.
29. Кудрявцев В.Н. Проблемы наказания, не связанного с лишением свободы / В.Н. Кудрявцев // *Советская юстиция*. — 1968. — № 1. — С. 27–28.
30. Лунеев В.В. Наука криминального цикла и криминологические реалии / В.В. Лунеев. — EDN IJTWVP // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. — 2007. — № 1-2. — С. 6–24.
31. Карнаушенко Л.В. Соотношение оснований законотворчества и правосознания как фактор целостности социально-правовых отношений / Л.В. Карнаушенко. — DOI 10.35750/2071-8284-2020-2-24-29. — EDN WTOKYR // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2020. — № 2 (86). — С. 24–29.
32. Шеяфетдинова Н.А. Криминализация деяний и правосознание / Н.А. Шеяфетдинова. — EDN KJLVVW // *Право и государство: теория и практика*. — 2019. — № 3 (171). — С. 58–60.

REFERENCES

1. Sudakova T.M. Social Conditionality and Some Legal Issues of Combating Criminal Trafficking of New Types of Drugs. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 643–651. (In Russian). EDN: WZXTNR. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(4).643-651.
2. Agildin V.V. Some Aspects of the Criminal Law Policy of Counteracting Traffic Crimes (Using the Example of Art. 264.1 of the Criminal Code of the RF). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 117–125. (In Russian). EDN: VPBGCI. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).117-125.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, A TEMP Publ., 2008. 944 p.
4. Boskholov S.S.1, Badmayeva B.B. On the Concept and Criteria of Criminological Substantiation of Humanizing Criminal Policy. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2012, no. 3, pp. 28–35. (In Russian). EDN: PCCZOL.
5. Shabalin L.I. On Validity and Conditionality of Criminal Law and Criminal Legislation Constructs. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2019, no. 11, pp. 46–66. (In Russian). EDN: NOASLD. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.11.31518.
6. Milyukov S.F. *Problems of Criminological Validity of the Russian Criminal Legislation*. Doct. Diss. Saint Petersburg, 2000. 422 p.
7. Semenov V.R. Social Conditionality of a Criminal Ban for the Violation of the Rules Ensuring Safe Functioning of Transport. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2013, no. 3, pp. 84–85. (In Russian). EDN: PVFBOD.
8. Smolin S.V. Socially Conditioned Criminalization of Lies, Deception and Abuse of Trust. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 126–137. (In Russian). EDN VPBGDD. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).126-137.
9. Prozumentov L.M. *Criminalization and De-criminalization of Actions*. Tomsk State University Publ., 2012. 142 p.
10. Valeev M.T. Criminological Substantiation of Penal Sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 13, pp. 5–12. (In Russian). EDN: ILWIDK. DOI: 10.17223/23088451/13/1.
11. Savenok A.L. *Theoretical and Practical Problems of the Effectiveness of Criminal Law*. Doct. Diss. Thesis. Minsk, 2017. 48 p.
12. Filimonov V.D. *The Criminological Basis of Criminal Law*. Tomsk State University Publ., 1981. 210 p.
13. Kuznetsova N.F. *Crime and Criminality*. Moscow State University Publ., 1969. 232 p.
14. Shaw C.R. *Delinquency Areas*. Chicago, 1929. 254 p.
15. Morris T. *The Criminal Area*. London, Routledge, 1958. 202 p.
16. White R.C. A Study of Residence and Place of Offence of Felons in Indianapolis. *Social Forces*, 1932, May10, pp. 498–509.
17. Schmid C.F. Urban Crime Areas. Part II. *American Sociological Review*, 1960, vol. 25, iss. 5, pp. 655–678.

18. Lottier S. Distribution of Criminal Offences in Metropolitan Regions. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1938, no. 29, pp. 39–43.
19. Filimonov V.D. Criminological Foundation of Criminal Law. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 2016, no. 2, pp. 87–95. (In Russian). EDN: WFLSGH.
20. Aleksandrova V.V. Optimal Sanction of the Criminal Law Norm: Stating the Problem. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 359–371. (In Russian). EDN: TAUNEO. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.002.
21. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (eds). *Criminal Law Course*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. Vol. 1. 611 p.
22. Prozumentov L.M., Shesler A.V. The Object of Russian Criminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 369–384. (In Russian). EDN: OHIFOU. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).369-384.
23. Ovsyannikov I.V. Termination of Criminal Cases under Rehabilitating Circumstances: Questions of Theory and Practice. *Vestnik akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii = The Herald of the Academy of Economic Security of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2011, no. 3, pp. 88–96. (In Russian). EDN: NVYIVR.
24. Shebanov D.V. *Criminological Validity of Criminal Legislation and its Enforcement Practice in the Protection of Property Rights. Cand. Diss.* Krasnoyarsk, 2017. 176 p.
25. Alafiev M.M. The Public Danger of Petty Bribery as the Basis and the Main Principle of Establishing a Criminal Law Ban on its Commission. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2021, no. 4, pp. 44–51. (In Russian). EDN: BOTOPJ. DOI: 10.25724/VAMVD.XEFG.
26. Shaglanova A.N. *Criminal Liability for Indecent Assault. Cand. Diss. Thesis.* Ekaterinburg, 2016. 33 p.
27. Andreeva O.I. Sanctions in Criminal Law. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2014, no. 3, pp. 231–234. (In Russian). EDN: SXDLXB.
28. Pudovochkin Yu.E., Andrianov V.K. Structural Regulations and Rules for Constructing Sanctions of Criminal-Legal Norms. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2018, no. 5, pp. 71–84. (In Russian). EDN: YWKENN.
29. Kudryavtsev V.N. Problems of Punishment without Incarceration. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1968, no. 1, pp. 27–28. (In Russian).
30. Luneev V.V. Criminal Science and Criminological Realia. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2007, no. 1-2, pp. 6–24. (In Russian). EDN: IJTWVP.
31. Karnaushenko L.V. The Relation Between the Bases of Law-Making and Legal Awareness as a Factor of Social and Legal Relations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 24–29. (In Russian). EDN: WTOKYR. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-24-29.
32. Shejafetdinova N.A. Criminalization of Acts and Sense. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2019, no. 3, pp. 58–60. (In Russian). EDN: KJLVVV.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бороев Александр Владимирович — аспирант кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: boroevav@bk.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boroev, Alexander V. — Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: boroevav@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бороев А.В. Теоретические подходы к определению понятия «криминологическая обоснованность» уголовного закона / А.В. Бороев. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).218-226. — EDN ZTIRWB // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 218–226.

FOR CITATION

Boroev A.V. Theoretical Approaches to Defining the Concept of “Criminological Validity” of Criminal Law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 218–226. (In Russian). EDN: ZTIRWB. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).218-226.